

Юнгер, Хайдеггер и нигилизм

Ален де Бенуа

перевод с французского Андрея Игнатьева

Центр Консервативных Исследований – 17.02.2012

Эрнст Юнгер и Мартин Хайдеггер, как всем известно, с интервалом в пять лет вступили в диалог о нигилизме, диалог, завязавшийся посредством обладающих особой важностью текстов, вышедших в пятидесятые годы по случаю шестидесятилетнего юбилея каждого из них (1). Изучение и сравнение этих текстов представляет исключительный интерес, поскольку это позволяет лучше оценить то, что в отношении этой фундаментальной темы отличает одного от другого этих двух авторов, которых часто ставили вместе, и которые сами поддерживали тесную интеллектуальную связь на протяжении нескольких десятилетий. В данной статье мы вкратце затронем эту тему.

В рамках своей позиции, которая с виду намеренно представляется «медицинской» (она включает «диагностику» и «терапию»), Юнгер утверждает с самого начала, что излечить нигилизм означает дать ему «подходящее определение». Принимая мнение Ницше, видевшего в нигилизме процесс, посредством которого и в котором «высшие ценности теряют свою ценность» («Воля к власти»), он заявляет, что сущностной характеристикой этого процесса является обесценивание, а затем и исчезновение традиционных ценностей, первое место среди которых он отводит христианским ценностям.

Затем он выступает против идеи, что нигилизм по сущности своей является якобы хаотичным феноменом. «Со временем становится видно, - пишет он, - что нигилизм может совпадать с крупными упорядоченными системами, и что такое положение дел в основном имеет место, когда он принимает свою активную форму и набирает силу. Он находит в порядке благоприятную основу; он перестраивает его для своих целей. [...] Порядок не только подчиняется требованиям нигилизма, но и является составной частью его стиля» (с. 48-52). В этом смысле нигилизм не свидетельствует об упадке. Он не обязательно связан со слабостью, но «производит скорее людей, которые двигаются вперед подобно железным машинам, оставаясь бесчувственными даже в момент, когда катастрофа разбивает их вдребезги» (с. 57). Одновременно нигилизм не является недугом. Он не имеет ничего общего с нездоровьем. Он, напротив, оказывается «связанным с физическим здоровьем – прежде всего там, где его мужественно воплощают в жизнь» (с. 54). Взамен, нигилизм по сути своей обладает свойством редуцированности: его самая устойчивая черта заключается в «подведении мира со всеми его многочисленными и сложными противоречиями под один общий знаменатель» (с. 65). Превращая общество, «в котором царствует моральная общность в автоматически работающую систему» (с. 63), он объединяет в себе фанатизм, отсутствие какого-либо нравственного чувства и «совершенство» технической организации.

Эти замечания весьма показательны. Они свидетельствуют о том, что когда Юнгер

заводит речь о нигилизме, он ссылается прежде всего на модель тоталитарного государства и, более конкретно, на модель нацистского государства. Третий рейх соответствует этому социальному государству, где люди оказываются подчинены абсолютному порядку, «автоматической» организации, в то время как обесценивание всякой традиционной морали идет рука об руку с бесспорным превознесением «здоровья».

Возникает вопрос, а является ли на самом деле нигилизмом то, что описывает Юнгер. Не идет ли речь скорее просто о тоталитаризме – об этом тоталитарном Левиафане, который поставил технику себе на службу и который превращает мир в «стройплощадку».

В то же самое время Юнгер исповедует определенный оптимизм, который виден уже в заглавии его текста: «Переход через линию». Обращаясь к **Ницше** и **Достоевскому**, он констатирует, что их критика не помешала им продемонстрировать относительный оптимизм, пусть даже нигилизм сможет быть преодолен только «когда-нибудь в будущем» (Ницше), и пусть даже он составляет «необходимый этап в рамках движения, стремящегося к ясным целям» (Достоевский). Юнгер возвращается здесь к идее, которая ему близка: после самого худшего может придти только самое лучшее. Или же точнее: тенденция, доведенная до своего предела, с неизбежностью обращается в свою противоположность. Еще в тридцатых годах он говорил, что надо было «проиграть войну, чтобы выиграть нацию». Именно в этом духе он цитирует **Бернаноса**: «Свет блистает лишь тогда, когда все кругом охватывает мрак. Как раз абсолютное превосходство врага обращается против него самого» (с. 37-38). Между тем, Юнгер считает, что самое худшее уже позади, что «голова уже пересекла линию», то есть что человек уже начал выходить из царства нигилизма. Это утверждение проистекает из его отождествления нигилизма с тоталитаризмом. Как пишет **Жюльен Гервье**, «если Юнгер верит, что абсолютный нуль уже пройден, то к этому не может не иметь отношения крах гитлеризма, представавшего как торжествующее воплощение нравственного нигилизма» (предисловие, с. 13) (2).

В своем очерке Юнгер принимается по существу описывать состояние мира, такое как оно есть, чтобы оценить возможность, что он уже находится по другую сторону линии. Сделанный им вывод может, впрочем, показаться умеренным. Противостоя нигилизму, он предлагает обратиться к поэзии и любви («эросу»). Он призывает к индивидуальному диссидентству, к «подлинной анархии» (в 1950 году он еще не создал фигуру Анарха). «Прежде всего, - пишет он, - необходимо отыскать безопасное место в своем собственном сердце. И тогда мир изменится».

Хайдеггер занимает совсем другую позицию. Его текст, написанный в ответ на текст Юнгера, является прежде всего критикой, критикой, конечно, дружеской, и он подчеркивает свое уважение к собеседнику, но стремится тем не менее при этом противопоставить его анализу совсем другую точку зрения.

Замена названия все же весьма показательна. В то время как Юнгер предпочел рассуждать «о линии» в смысле «над линией» (Ueber die Linie), Хайдеггер намеревается высказаться «о линии» в смысле «по поводу линии» (Ueber «die Linie»), подчеркивая таким образом с самого начала свою убежденность, что линия еще не пересечена и также свое желание поставить вопрос о причинах, по которым это не было сделано.

Итак, Хайдеггер ясно заявляет о своем желании добавить (и в большинстве отношений противопоставить) к топографии trans lineam Юнгера топологию de linea: «Вы смотрите и вы пересекаете линию, я же довольствуюсь прежде всего размышлениями об этой линии, которую вы представили. Мы оба взаимно помогаем друг другу» (с.203).

Хайдеггер начинает с того, что не соглашается с попыткой Юнгера дать нигилизму «подходящее определение». Оставаясь привязанными к образу линии, - пишет он, - мы обнаружим, что она проходит через пространство, будучи сама определяемой местом. Место сосредотачивает. Сосредоточивание скрывает собранное в своей сущности. Именно место, по которому проходит линия, является источником сущности нигилизма и его торжества» (с. 200). Вопрос о торжестве нигилизма, ареной которого стал весь мир – так что нигилизм отныне является «нормальным состоянием» человечества – побуждает к поискам этого «места линии», которое указывает на «сущность нигилизма». Для Хайдеггера постановка вопроса о том, какое место человек занимает по отношению к распространению нигилизма, требует «определения сущности». Постигание нигилизма подразумевает, что мысль направляется на рассмотрение его сущности.

Ответ вскоре будет дан. Он вытекает из философии Хайдеггера, чьи основные черты здесь, полагаю, известны. Нигилизм, на взгляд Хайдеггера, представляет следствие и кульминацию длительного процесса забвения Бытия, который начинается с Сократа и Платона, продолжается в рамках христианства и западной метафизики и достигает кульминации в современную эпоху. Сущность нигилизма «покоится в забвении Бытия» (с.247). Нигилизм это забвение Бытия, достигшее высшей точки. Именно это и есть царство ничто.

Забвение Бытия означает, что Бытие прячется, то, что оно находит себе место в тайном прибежище, которое скрывает его от человеческого мышления, но это также и спасительное прибежище, в ожидании обнаружения: «Именно в таком сокрытии состоит сущность забвения». Забвение является сокрытием Бытия-присутствия в пользу сущего-присутствия. В западной метафизике сам Бог является только высшим сущим. Метафизика знает только трансцендентность, то есть постижение сущего. Именно поэтому она не в силах не только иметь доступ к Бытию, но даже ощущать свою собственную сущность.

Хайдеггер уточняет также, что именно в «царстве воли к воле» находит свое воплощение сущность нигилизма. Здесь мишенью оказывается, конечно, философия автора «Заратустры», которая, несмотря на его заслуги, является только вывернутым наизнанку нигилизмом, поскольку ей не удастся выйти за рамки поля ценностей. Воля к власти, которую Хайдеггер проанализировал как «волю к воле», то есть воля, которая безусловным образом является только способом проявления бытия сущего и в этом смысле иной формой забвения Бытия. «К сущности воли к власти принадлежит не позволить реальному, над которым она устанавливает свою власть, явиться в этой реальности, которой она сама по сути своей и является» (с.205). Ницше напрасно заявил, что «Бог умер», он остался в тени этого Бога, чью смерть он провозгласил.

Между тем, поскольку сам Юнгер остается под влиянием философии Ницше, он также становится вместе с ней мишенью критики со стороны Хайдеггера.

Хайдеггер вновь обращается здесь к знаменитой книге Юнгера, «Рабочий», вышедшей в 1932 году. Он подчеркивает, что Фигура (или гештальт) Рабочего очень точно соответствует образу Заратустры в рамках метафизики воли к власти. Его явление обнаруживает власть – как желание обозреть мир как «тотальную мобилизацию». В «Рабочем» Юнгер заметил: «Техника является средством, посредством которого гештальт Рабочего мобилизует мир». Процесс Работы развертывается в планетарных масштабах в духе учения о воли к власти.

Конечно, Хайдеггер не оставляет без внимания тот факт, что взгляды Юнгера на технику претерпели эволюцию. Юнгер вначале показал важность техники на примере конкретного опыта: битвы материалов Первой мировой войны. В ту пору он не без основания испытывал чувство, что господство техники ознаменует наступление новой эпохи в истории человечества. Он отождествлял это господство с владычеством гештальта Рабочего, воображая себе, что между этим гештальтом и гештальтом Буржуа могут существовать лишь антагонистичные отношения в мировых масштабах. На этот счет Юнгер обманывался, и впоследствии он признал свою ошибку. Наконец, изменилось его мнение о самой технике – возможно, под влиянием работ его брата, **Фридриха Георга** («Совершенство техники», 1946). После 1945 года Юнгер недвусмысленно связал нигилизм с «титанизмом» техники, которая, влекомая желанием господствовать над миром, человеком и природой, следует своим собственным курсом, и ничто не в состоянии его остановить (3). Техника подчиняется только своим собственным правилам, и самый ее сокровенный закон состоит в равновесии возможного и желаемого: все то, что может быть реализовано техническими средствами, будет эффективно реализовано.

Хайдеггер превозносит, не сдерживаясь, ту манеру, в которой Юнгер в «Тотальной мобилизации» (1931), а затем в «Рабочем» описал то, что обнаруживается «в свете ницшеанского проекта сущего как воли к власти». Он также поставил ему в заслугу в конечном счете понимание того, что господство технического труда является следствием «активного нигилизма», который отныне развертывается в планетарном масштабе. Однако в то же самое время он упрекает его в непонимании того, что «ницшеанский проект» продолжает препятствовать постижению Бытия, и подчеркивает, что «Рабочий» «остается производением, в основе которого лежит метафизика» (с. 212).

Хайдеггер упрекает Юнгера за то, что он по ту сторону своей собственной эволюции остался в мире, где господствуют фигуры и ценности. Фигура, определяемая Юнгером как то «спокойное существо», которое склонно глядеть на мир, придавая ему форму, таким же образом, как печать ставит свой отпечаток, является ничем иным как «метафизической способностью». Фигура, подчеркивает Хайдеггер, «основывается на сущностных чертах человеческой природы, которая как *subjectum* лежит в основе всего сущего. [...] Именно присутствие человеческого типа (*typus*) составляет предельную субъективность, чье появление знаменует торжество современной метафизики и которая полагается при постижении этой метафизики» (с. 212-213).

Не принадлежать к числу нигилистов не значит находиться вне нигилизма. Манера, в которой Юнгер, чтобы «выйти» из нигилизма, предлагает «прислушаться к земле», попытаться узнать, «то, чего хочет земля» одновременно с провозглашением теллурической и титанической природы техники, весьма показательна в этом отношении.

Юнгер пишет: «В миг, когда линия будет пересечена, мы сбросим с Бытия его новое одеяние; и тогда начнет показываться то, чем оно на самом деле является». Хайдеггер отвечает: «Разговоры об «одеянии Бытия» остаются подручным средством, и одним из самых проблематичных: ибо Бытие сокрыто в одеянии, так что последнее никогда не может только добавиться к Бытию» (с.229).

Хайдеггер никоим образом не склонен верить, что «нулевая линия» осталась отныне позади нас. На его взгляд, «торжество» нигилизма совершенно не означает его завершения. С кульминацией нигилизма, - пишет он, - начинается лишь его конечная стадия, которая, вероятно, будет необыкновенно длинной, потому что на ней безраздельно будет царить нигилизм, ставший «нормальным состоянием», и это «состояние будет упрочиваться». Именно поэтому нулевая линия, на которой кульминация достигнет своего предела, еще совершенно не видна» (с. 209-210). Но он также добавляет, что к тому же является ошибкой считать, как это делает Юнгер, как если бы «нулевая линия» была бы чертою, внешней по отношению к человеку, которую бы человек смог бы «пересечь». Человек сам является источником забвения Бытия. Он сам и есть «зона линии». «Никоим образом, - уточняет Хайдеггер, - линия мыслимая как знак, указующий на царство торжествующего нигилизма, не является чем-то, что находится перед человеком, чем-то, что возможно пересечь. Так рушится равным образом возможность нахождения *trans lineam* и возможность перехода, позволяющего этого достичь» (с.233).

Но в таком случае, если любые попытки «пересечь линию» остаются «обреченными на устройство спектакля, который сам проистекает из доминанции забвения Бытия» (с.247), как человек может надеяться расстаться с нигилизмом? Хайдеггер отвечает: «Вместо того чтобы желать преодоления нигилизма, мы должны попытаться наконец благоговейно погрузиться в его сущность. Это и есть первый шаг, который позволит нам оставить нигилизм позади себя» (с.247).

Хайдеггер разделяет мнение Юнгера, согласно которому нигилизм не тождественен ни злу, ни недугу. Но он придает другое значение этой констатации. Когда он утверждает, что «сущность нигилизма никоим образом не является нигилистической» (с. 207), он хочет сказать, что место, в котором человек подвергается наибольшей опасности, может также дать ему возможность спастись. Именно в этом смысле нигилизм, *in-sane* (безрассудство), может также указать на *in-deme* (невредимость).

«Погрузиться благоговейно» в сущность нигилизма означает воспользоваться возможностью превозмочь (*Verwindung*) метафизику. Превозмочь метафизику это означает также превозмочь забвение Бытия – и через это даже возможность не-сокрытия, возможность раскрытия истины (*aletheia*). Юнгер писал, что «трудность в определении нигилизма связана с тем, что дух не в силах представить себе ничто» (с.47). Хайдеггер цитирует эту фразу, чтобы подчеркнуть близость Бытия и сущности ничто. Он использует это в качестве аргумента, чтобы утверждать, что только через размышление о ничто мы поймем то, чем является нигилизм и только тогда, когда мы поймем это, мы будем способны преодолеть забвение Бытия. «Ничто, - пишет он, - даже если мы его понимаем в смысле полного отсутствия сущего, принадлежит *abs-ent* к Присутствию, как одно из его возможностей. Если, стало быть, именно ничто является основой сущности нигилизма и сущность ничто принадлежит Бытию, и если, с другой стороны, Бытие есть участь трансцендентальности, то значит, именно сущность метафизику оказывается

вместилищем сущности нигилизма» (с. 236).

Итак, вместилище сущности торжествующего нигилизма следует искать «там, где сущность метафизики разворачивает свои крайние возможности и концентрируется в них» (ibid). В конечном итоге, пишет Хайдеггер, «преодоление нигилизма требует погружения в его сущность, но проникновение туда избавляет от желания его преодолеть. Преодоление метафизики взывает к мышлению с более глубоким призывом» (с.250).

Однако, чтобы перепрыгнуть через «барьер», который нам мешает благоговейно вступить в сущность нигилизма, необходимо также располагать словом, способным открыть путь к постижению Бытия. Другими словами, следует избегать языка метафизики – который также является языком, повествующим о воле к власти, ценностях и фигурах – так как именно этот язык оказывается препятствием на пути. «Единственный способ, благодаря которому мы можем размышлять о сущности нигилизма, - подчеркивает Хайдеггер, - это сначала идти по пути, ведущем к дому Бытия. На этом пути нельзя ставить вопрос о ничто. Но вопрос о доме Бытия снимается, если ему не удастся избегнуть языка метафизики, потому что метафизические представления делают невозможным размышление над вопросом о доме Бытия.

Между тем, именно в этом Хайдеггер обвиняет Юнгера: он упрекает его в постановке вопроса о нигилизме при использовании языка и образа мышления, которые остаются под влиянием сущности метафизики. Поскольку он продолжает выражаться и мыслить на языке метафизики, являющимся вместилищем сущности нигилизма, Юнгер сам себя лишает всякой возможности разрешить проблему, которую он поставил. «На каком языке, - спрашивает Хайдеггер, - говорит мышление, строящее фундаментальный план пересечения линии? Нужно ли с другой стороны критической линии спасти язык метафизики воли к власти, фигур и ценностей? И образуют ли язык именно метафизики, сама эта метафизика (будь ли то метафизика живого Бога или умершего) в качестве метафизики этот барьер, который препятствует пересечению линии, то есть преодолению нигилизма?» (с. 224-225).

Мы не можем погрузиться в сущность нигилизма до тех пор, пока мы продолжаем пользоваться его языком. Именно поэтому Хайдеггер призывает к «изменению Языка», «к перелому в отношении к сущности слова». Он взывает к языку, который требуется, чтобы преодолеть забвение Бытия. Поскольку он соответствует сущности Бытия, этот Язык способен открыть мышлению путь к этой сущности, и он называет его «Языком Мышления», уточняя, что «этот Язык не выражает Мышление, но сам является им, сам является его маршем и его песнью» (с.249). Необходимо, - заключает он, - подвергнуть «испытанию Язык, который и есть подлинное Мышление». Необходимо «работать в пути».

Какие можно сделать выводы? Я говорил о «диалоге» между Юнгером и Хайдеггером по поводу нигилизма, но этот термин совершенно не подходит. Хайдеггер и Юнгер зачастую разделяют аналогичные предпосылки, но приходят к часто противоположным выводам. Они оба согласны во мнении, что нигилизм находит в образе современной техники свою самую прочную опору, но о технике у них представления разные. Для Юнгера техника обладает прежде всего «титанической» природой, в то время как для Хайдеггера она есть обретшая плоть метафизика. Юнгер видит в нигилизме нечто противоположное

ценностям западной метафизики и христианства. Хайдеггер же видит в нем окончательное следствие этих самых ценностей. Юнгер ограничивается утверждением, что человек в своем отношении к нигилизму уже «пересек линию». Хайдеггер же побуждает задаться вопросом, а что же означает это «пересечение». Фактически Хайдеггер опирается на работу Юнгера, чтобы идти дальше и глубже, чтобы расширить перспективу для раздумий, чтобы побудить мышление изменить самого себя. Юнгер предлагает «повстанцам» «уход в леса». Хайдеггер приглашает вступить на лесную тропинку, которая ведет к прогалине, к «ясности» или истине (aletheia), не-сокрытию, к выходу, наконец, из забвения, то есть из этого тысячелетнего сокрытия, которое окутывало историю Европы и чье всемирное торжество побуждает нынче думать о выходе из него.

Примечания

1. Ernst Jünger, « Über die Linie », in Anteile. Martin Heidegger zum 60. Geburtstag, Vittorio Klostermann, Frankfurt/M. 1950, pp. 245-283 ; Martin Heidegger, « Über “die Linie” », in Armin Mohler (Hrsg.), Freundschaftliche Begegnungen. Festschrift für Ernst Jünger zum 60. Geburtstag, Vittorio Klostermann, Frankfurt/M. 1955. Текст Юнгера был вновь опубликован отдельно тем же самым издателем в немного расширенной версии: Über die Linie, Vittorio Klostermann, Frankfurt/M. 1950, 45 p. (éd. fr. : Sur l'homme et le temps. Essais, vol. 3 : Le nœud gordien. Passage de la ligne, Rocher, Monaco 1958, trad. Henri Plard ; 2e éd. augm. d'un avant-propos de Jünger et d'une préface de Julien Hervier : Passage de la ligne, Passeur-Cecofop, Nantes 1993 ; 3e éd. : Christian Bourgois, Paris 1997, 104 p.). Текст Хайдеггера также был издан отдельно без изменений, но под новым заголовком: Zur Seinsfrage, Vittorio Klostermann, Frankfurt/M. 1956 (éd. fr. : « Contribution à la question de l'Être », in Martin Heidegger, Questions I, Gallimard, Paris 1968, pp. 195-252, trad. Gérard Granel). В Италии эти два текста были объединены в один сборник: Ernst Jünger et Martin Heidegger, Oltre la linea, Adelphi, Milano 1989, trad. Franco Volpi et Alvisè La Rocca. В данной статье ссылки на страницы даются по двум последним французским изданиям.
2. Впоследствии Юнгер вернулся в некоторой степени к этому оптимизму: «После поражения я говорил вкратце так: голова змеи уже пересекла линию нигилизма, она уже за ней, а все туловище скоро последует за ней, и мы вскоре окажемся в более благоприятной духовной атмосфере, и т.д. А пока от этого мы еще далеки» (беседа с Фредериком де Товарницки в: Martin Heidegger, L'Herne, Paris 1983, p. 149). Более конкретно, Юнгер полагает, что мы пребываем в эпохе перехода междуцарствия – и по этой причине не стоит отчаиваться: «Что до меня, то я чувствую, что двадцать первый век будет лучше, чем двадцатый». (Entretiens avec Julien Hervier, Gallimard, Paris 1986, p. 156).
3. На деле, даже по отношению к «титаническому» характеру техники, подход Юнгера был двойственным. С одной стороны, он охотно противопоставлял титанов богам, и его беспокоил подъем титанизма («прилив энергии»). Но он также пишет: «Налицо тенденция опасаться, что титаны могут принести только несчастье, но сам Гельдерлин был другого мнения. Прометей это посланник богов и друг людей, и Гесиода век титанов это золотой век» (вступительное слово, p.26). В двадцать первом веке, по его мнению, мы будем свидетелями беспрецедентного развития техники и нового «одухотворения».